

Копирование, тиражирование
и распространение материалов,
содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

WHEN WE GOT LOST IN DREAMLAND
Text copyright © Ross Welford 2021
Translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd.

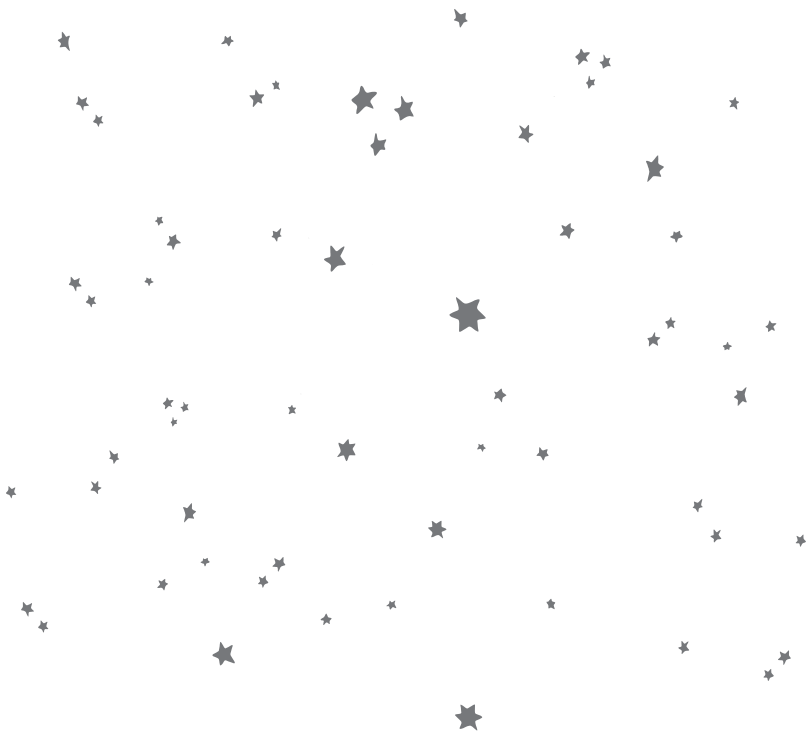
Росс Уэлфорд

НА

ОБОЧИНЕ

МИРА

«Наши проблемы — дело рук человека, и поэтому могут быть разрешены человеком... Нет такой проблемы человеческих судеб, которая находилась бы вне пределов досягаемости человеческих существ».

— Джон Ф. Кеннеди

Президент США, 1961 — 63

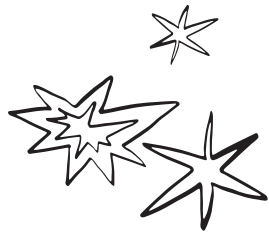
В НЕ СТОЛЬ ОТДАЛЁННОМ БУДУЩЕМ

Дело шло к мировой войне, когда мы с Мэнни Уивером попали через «серую дыру» в другой мир.

До тех пор я не верила в магию. Феи, ведьмы, волшебные заклинания, неведомые страны с говорящими животными, трёхголовые чудища и зелья, превращающие тебя в великана?

Даже когда я была совсем маленькой, я знала, что всё это неправда. А потом я встретила Мэнни, и странного зверя, которого мы называли «кобака», и брата, которого я никогда не знала, потому что он умер ещё до моего рождения. Я пронеслась через грозу на летающем гидроцикле и пожила во Вселенной Вне Войны.

И если вы спросите меня теперь, верю ли я в магию? Скажем так, я не совсем уверена.

ЧАСТЬ

ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Мы смотрим войну по телевизору почти каждый вечер, и она становится всё хуже и ближе.

Папа сидит на диване, покая, качая головой и по-разному обзывая премьер-министра. Моя старшая сестра, Алекс, начинает злиться и спорит со всем, что говорит папа, но я не думаю, что она лучше нашего разбирается в происходящем. Потом они кричат.

Маму они оба расстраивают, и она даже завела привычку прогонять меня из комнаты, когда всё начинается. Говорит:

— Тебе всего двенадцать, Уилла. Незачем тебе всё это видеть.

Тогда встречается папа:

— Прямо на наших глазах творится история. Любительнице истории необходимо это видеть!

«Любительница истории» — ха! В прошлом году, в шестом классе, я выиграла в историческом конкурсе, и папа никак не уймётся. Он обожаем такое. А я всего-то-навсего написала эссе про

американского президента Джона Ф. Кеннеди (того, которого убили в 1963-м) и нарисовала классную картинку, которую скопировала с фотки и очень аккуратно раскрасила.

Когда дело касается того, что происходит сейчас, и Третьей мировой войны, которая не за горами, мне страшно. Всем страшно. Ну, всем, кроме Мэнни Уивера, но до него мы скоро доберёмся.

Даже если я выхожу из комнаты — разницы нет. Стоит мне открыть ноутбук, как я снова всё это вижу: видео бомб, сыплющихся с самолётов, горящих зданий, людей, вытаскиваемых из-под обломков, злых толп, кидающихся всяким-разным в таких же злых солдат, и злых людей, строчащих злые посты в «Квике».

Я всё это терпеть не могу, но не смотреть довольно сложно. Вы знаете, о чём я. Вы, наверное, и сами видели подобное.

Я неплохо понимаю историю, но только когда она в прошлом. Когда она происходит вокруг меня — уже гораздо меньше.

Я даже не знаю, из-за чего они дерутся. Из-за воды, наверное. И нефти, скорее всего. Из-за бога? Кое-где, по-моему, из-за всего сразу. Одна кучка людей ненавидит другую кучку людей, все остальные принимают чью-то сторону, и тут... бац! Война. Судя по всему, именно так всё и работает. Мама говорит, мне не нужно бояться, потому что война идёт за много миль от нас, в других странах. Но она приближается; все это знают.

Призом в историческом конкурсе, кстати говоря, была книга «Маленькая история мира». В ней много написано про войны. Она стоит у меня на полке, более-менее нечитанная. Каждый раз, когда я к ней тянусь, я вспоминаю, как моё имя объявили в актовом зале — и никто не захопал.

Мама с папой не смогли прийти на вручение наград, потому что у них была встреча с людьми из «Солнечных Сезонов», которые собираются купить наш семейный бизнес и присоединить его к парку по соседству — покрупнее (и гораздо по-симпатичнее). Так что они не видели, что произошло — нелепого момента, которому разве что стрекотания сверчков не доставало, когда я поднялась на сцену, а мне захопали одни учителя — да я им и не рассказывала. Я вообще никому не рассказывала, потому что мне некому. Наверное, можно было поделиться со старой Модой, но, учитывая, как здорово она помогла мне с этим эссе, это бы её только расстроило. Так что я помалкивала.

Тем временем грамота, которую мне вручили, по-прежнему стоит над камином, рядом с папиными медалями военно-воздушных сил и святилищем — фотографией и свечкой — малыша Александра. Он был моим старшим братом, прожившим всего восемь дней, а теперь и сам стал частью истории.

Вот сейчас они опять спорят, мама с папой, и только что хлопнули дверь. Иногда они ругаются из-за войны, обычно — из-за работы.

С бизнесом неладно, вот и всё, что я знаю. Мама называет папу «ленивым и лишённым воображения»; он называет её «помешанной на контроле и навязчивой». Из моей комнаты мне их слышно — шипят друг на друга, как злые кошки.

Алекс сидит в своей комнате — нацепила наушники и играет в войну на компьютере с людьми, которых она и не встречала никогда. Всё было бы не так плохо, если бы она хотя бы разговаривала со мной, но она только вздыхает и бурлит, как неисправный бойлер в душевой.

Конфликты? Они окружают меня со всех сторон, и меня это бесит.

А потом, не успеваем мы опомниться, как на всех экранах страны появляется премьер-министр и заявляет, что Британия, возможно, будет вынуждена объявить войну, если так поступят наши союзники. Внезапно все только об этом и говорят.

Тут-то я и знакоюсь с Мэнни и обнаруживаю параллельный мир — и всё меняется раз и навсегда.

ГЛАВА 2

Думаю, я люблю Мэнни Уивера! Не в *той* смысле люблю, не беспокойтесь. Ну ладно, по чьим угодно стандартам Мэнни очень даже хорошо выглядит, но нам всего двенадцать, и у меня не «колотится как сумасшедшее» сердце и не «летают бабочки» в животе, что, по мнению моей сестры Алекс, является верными признаками влюблённости. (Ей виднее: с ней это происходит примерно раз в пару месяцев. Ей пятнадцать.)

Так что, наверное, мне просто нравится Мэнни — *очень сильно*. А более того, я, кажется, тоже ему нравлюсь, что уже выделяет его среди ребят в моей школе.

В Мэнни есть что-то... *необычное*. Что-то, что я заметила утром, когда он вошёл в наш класс и встал в дверях: высоковатый и худоватый, слегка сутулящийся, будто всегда готовый пригнуться. Все повернулись на него посмотреть: Новенький.

Вы или я наверняка опустили бы глаза с видом «пожалуйста-не-смотрите-на-меня» и прошмыгнули

бы на место (рядом со мной, вот невезуха), которое подготовила миссис Поттс: новая тетрадь, карандаш с логотипом школы и открытка «Добро пожаловать в 7П».

Но Мэнни оказался не таким. Он оглядывал всех в ответ где-то целую *вечность*. В классе нас было человек двадцать. Он посмотрел на каждого, одного за другим, ссутулившись и почти не моргая, из-за длинной светлой чёлки. Он не то чтобы хмурился, но и дружелюбным не выглядел. Мало-помалу, пока продолжалась эта игра в гляделки, все в классе замолкли. Когда Мэнни охватил взглядом всех, то слегка кивнул и прошептал:

— Привет.

А потом небольшая толпа семиклассников с уважением расступилась перед ним, и он прошествовал к нашей парте и сел.

Это явно была очередная попытка миссис Поттс «вытащить меня из раковины», как она однажды выразилась. Знаете, поставить Новенького в пару к Тихоне и посмотреть, вдруг они подружатся. Или, может, она думает, что я хорошо на него повлияю. Я никогда не влипаю в неприятности в школе, а вот от Мэнни так и веет каким-то озорством.

Думаю, дело в основном в его глазах: они зелёные и яркие, как разрезанный киви, и тарашающиеся и печальные — весьма странное сочетание.

В нашей школе нет формы, но предполагается, что мы должны одеваться «разумно». А Мэнни явился в полосатых штанах, носках с радугой

и мягкой фиолетовой толстовке. Я услышала, как Дина Малик говорит:

— Вау, гляньте-ка на этого Вилли Вонку!

Всё это казалось частью его «нездешности».

И как будто волшебности.

Школьный день закончился, и я жду Мэдисон и Джесс у спортзала, чтобы вместе пойти домой. Так будет дольше, но я не против. У меня с собой «Шоколадный крем Фрая» — я хочу их угостить, но тут замечаю, что они уходят по противоположной стороне игровой площадки и уже слишком далеко, чтобы звать их. Как они там оказались, не проходя мимо спортзала, — настоящая загадка. Я разворачиваю велик и еду другим путём, пытаюсь избавиться от мысли, что они меня избегают.

На Мэнни я наталкиваюсь в конце переулка, ведущего от побережья к школе, который все называют Какашечным проулком. Он просто сидит на каменном заборе рядом с потрёпанным жёлтым великом и вроде как занят каким-то своим делом.

— Привет, Уилла, — говорит он, не успеваю я даже с ним поравняться. Мне приходится резко притормозить, чтобы не врезаться в него. — Я подумал, расскажу-ка я о себе. Чтобы сэкономить время, знаешь?

Что нужно говорить, когда кто-то заявляет такое? Лично я остроумно отвечаю:

— Эм... — что Мэнни, видимо, расшифровывает как «Да, давай — расскажи мне о себе абсолютно всё, хоть я вообще-то и не просила».

Он отбрасывает с глаз длинную светлую чёлку и говорит:

— Ну хорошо.

Мы начинаем катить велики по тротуару, мимо заколоченных витрин, разрисованных граффити. На дворе май, но с серого Северного моря дует холодный, влажный ветер; мелкий мусор кидается нам под ноги, как непослушный щенок. Мэнни останавливается вытащить из спиц велика обёртку от фруктового льда.

— Ты не пугайся, Уилла, — говорит он. — Просто я жил примерно в тысяче временных семей с новыми родителями, новыми братьями и сёстрами и считаю, что так быстрее. Я всё равно тебе это расскажу рано или поздно, так почему бы не сделать это рано? — Потом он улыбается мне, будто подначивая меня поспорить.

— Потому что... я тебя вообще не знаю?

— Именно поэтому! А так узнаешь. Понимаешь ли, мы подружимся, я уже вижу. Упс, осторожно — собачьи какашки!

Я огибаю их.

— Уже видишь?

— Поверь мне, если бы ты сменила столько школ, спецшкол, семей и детдомов, сколько я, у тебя бы выработалось чутьё на такие вещи. Кроме того, тебе нужен друг, так почему бы мне не стать им?

Сгорая со стыда, я прекращаю катить велик и перекидываю через него ногу, собираясь уехать.

— Эй, постой! — говорит Мэнни. — В чём дело?

— В тебе дело. Не нужен мне друг.

— Тогда почему ты возвращаешься со школы одна? Почему тусуешься в обед в библиотеке сама по себе? Почему...

— Ладно, ладно, — рывкаю я. — Может, у меня не так много друзей. Тебе-то что до этого?

— Ну, у меня вообще ни одного нет. Пока что. Так что, знаешь...

Мэнни видит, что мне немного неловко, так что быстро перехватывает нить разговора.

— Ладно, — говорит он. — Эмануэль Уивер — это ты уже знаешь. День рождения: первое февраля, подарки приветствуются, но не обязательны. Шутка! Братьев-сестёр нет. Последняя приёмная семья переехала в Австралию, чтобы убраться от меня как можно дальше.

Я бросаю на него взгляд. На его лице полуулыбка, так что, наверное, он шутит. Он продолжает:

— Сейчас живу под опекой Норт-Тайнсайдских соцслужб в детском доме имени Уинстона Черчилля на побережье. Папу никогда не знал. Мама... больше не с нами.

Он делает паузу.

— Вот и всё. Это я.

Это всё как-то неожиданно, особенно последняя часть. Я говорю:

— О. Понятно. Хорошо. Ну, то есть в том, что

ты сказал в конце, нет ничего хорошего. Мне очень жаль. Я хочу сказать, твоя мама... — Я лопочу что-то несвязное и мне неловко.

— Ага, ну да, спасибо. Ты, наверное, хочешь узнать, что с ней стало?

— Нет! Ну то есть, если она, ну ты понимаешь, эм... умерла, тогда, эм...

О нет, это просто ужасно.

Мэнни перебивает.

— Она не умерла, Уилла.

— О. Просто ты сказал, что она больше не с нами, так что я подумала...

— Нервный срыв, — говорит он. — Если кратко, она пошла по магазинам и больше не вернулась. Это длинная история. Я был совсем маленьким.

— Это просто жуть, Мэнни. Бедная она. Бедный ты.

Мэнни прекращает толкать велик и начинает возиться с одним из тормозных тросиков.

— Спасибо, — со вздохом говорит он. — Никто толком не знает, что именно произошло. Мне было всего четыре, так что мне талдычили в основном «У мамочки головка бо-бо» и всё в таком духе. Формально она всё ещё считается «пропавшей без вести». Но Джейкоб — это мой соцработник — говорит, что я должен учиться жить с мыслью, что моя ма, возможно, умерла. — Он пожимает плечами. — Вот только она жива.

Сложно придумать, что сказать. Со мной обычно

редко делятся такими личными подробностями, особенно так внезапно. Некоторое время мы катим велики молча, а потом я спрашиваю:

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, — отвечает Мэнни. — Но только то, что я чего-то не знаю, ещё не значит, что это не так. Когда-нибудь я её найду. Я это чувствую.

Я снова гляжу на него: он выпятил челюсть и крепко стиснул губы, будто привык рассказывать эту историю и не плакать. Глаза у него сияют. Несколько секунд мне ужасно неловко, а потом Мэнни говорит:

— Ну ладно. Всё обо мне да обо мне. Что насчёт тебя?

Ого.

— Эм... э... Вильгемина Шафто, но так меня никто не называет. День рождения: четырнадцатое ноября. Живу с мамой и папой, они управляют Уитли-Бэйским парком отдыха «Счастливая Страна». — Я тараторю, и всё это звучит слишком нормально и идеально по сравнению с историей жизни Мэнни, так что я добавляю: — У меня есть сестра, её зовут Алекс. Ей пятнадцать, и она настоящая заноза в одном месте. А ещё мои мама с папой вечно ругаются, потому что бизнес идёт плохо, ну и... как бы...

Я умолкаю. Это всё правда, но, конечно, подробностей я не знаю. Мама с папой велели мне не болтать про бизнес — вдруг поползёт слух, что у «Счастливой Страны» проблемы. Каждый раз,

когда к нам собираются приехать люди из «Солнечных Сезонов» на своих блестящих машинах, родители начинают ругаться всё сильнее.

— ...и из-за войны, — добавляю я. — Они вечно ругаются из-за войны.

— Почему? — спрашивает Мэнни с искренним недоумением.

— Ну, знаешь, у них разные мнения на её счёт.

— Разве они могут что-то изменить?

— Ну, нет — само собой. Никто из нас не может.

— Вот именно. Поэтому я предпочитаю волноваться о вещах, которые могу изменить.

Мы уже на том отрезке пути, когда мне надо идти прямо, а Мэнни — сворачивать налево к детскому дому имени Уинстона Черчилля. Он говорит:

— Видишь — теперь мы друзья? Встретимся здесь завтра в восемь тридцать и поедем вместе. Кстати, какой у тебя номер?

— У меня... *номер?*

— Ну да — телефонный номер?

Мне приходится залезть в телефон и найти свой номер, потому что наизусть я его не помню. Мне кажется, раньше меня никто и не спрашивал, по крайней мере никто из ровесников.

Я говорю:

— Ты разве не пользуешься «Квиком»? — и Мэнни, кажется, слегка смущается, но тут же прикрывается улыбкой.

— Не — это для лузеров! Я предпочитаю классику. Глянть-ка вот на *это!*

Мэнни достаёт свой телефон — крошечный, с малюсеньким экраном. Он с кнопками, как на самых древних телефонах, а на логотипе написано «ЭРИКССОН» — никогда о таком даже не слышала.

— Это, считай, антиквариат. Мой соработник швед, это он его мне нашёл. Он звонит и отправляет сообщения. И всё. Джейкоб не очень-то жалуется смартфоны. Считает, будто они «мешают нам говорить лицом к лицу» и так далее. Кстати говоря, — спохватывается Мэнни, лезет в сумку и вытаскивает оттуда потрёпанную книгу. — Подумал, тебе понравится это почитать.

КРИПТИДЫ — ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОЗЕРА ЛОХ-НЕСС

Автор

Доктор Э. Борбас

На обложке — зернистая картинка, изображающая нечто в озере — лох-несское чудовище, по всей видимости. Я переворачиваю книгу и читаю аннотацию.

**От древних легенд о лох-несском
чудовище до современных историй
о бодминском звере по всему миру
насчитывается великое множество**

свидетельств о загадочных существах.

**Если они реальны, откуда же они
берутся?**

Я смотрю на Мэнни — он ухмыляется.

— Джейкоб говорит, одолжить кому-то книгу — это идеальный способ подружиться, потому что так её придётся вернуть, и вы сможете её обсудить. Местами там запутанно, но она неплохая.

С этими словами он укатывает на велике прочь, а я остаюсь листать странную книгу. В ней есть картинки больших, смахивающих на котов зверей и живущих в озёрах гигантских змей, чего-то под названием бигфут и мексиканского монстра, который высасывает кровь из коз...

Проходит пара минут, прежде чем я наконец сажусь на велик и осознаю, что, несмотря на всю странность ситуации, Мэнни прав. Кажется, у меня появился друг.

ГЛАВА 3

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Мэнни дал мне почитать ту первую книгу. За это время он уже успел одолжить мне несколько других, с названиями вроде:

ЙЕТИ — Гималайский горный человек

и

ОЗЁРНЫЕ МОНСТРЫ СО ВСЕГО МИРА!

Сейчас суббота, в школе проводят весеннюю ярмарку, и Мэнни обзавёлся новой книжкой.

МЕГАЛОДОН — Финальное доказательство?

Мегалодон — это вроде как здоровенная акула, метров двадцать длиной, живущая в неисследованных глубинах океана. Пролистывая книгу,

я замечаю, что большинство картинок размыты или сняты с расстояния нескольких миль.

Когда мы забираем свои велики после праздника, я пытаюсь обратить на это внимание Мэнни.

— Проблема в том, — говорю я, держа в руках «Мегалодона», — что финальное доказательство — не такое уж и доказательство, так? Иначе им не пришлось бы ставить вопросительный знак.

Мэнни ссутуливается — он всегда так делает, когда думает.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — обиженно говорит он. — У тебя нет воображения!

— Нет вообра... Мэнни! Это нечестно! Просто ведь... настоящих доказательств нет.

— Вот опять. Блинские *доказательства*! А как насчёт свидетельств очевидцев? На это ведь и опирается твоя драгоценная история, не так ли? На людей, которые видели всякое! Честное слово, Уилла...

Он сворачивает в сторону побережья, и я еду следом.

Мы останавливаемся у мини-маркета, и я тихонько вздыхаю, увидев, что к нам приближаются Дина Малик и её жалкая «банда». Она взяла моду называть нас «История и Мистика». К счастью, больше никто это прозвище не подхватил, но это не останавливает Дину. Я тайком возвращаю Мэнни книгу, и мы вдвоём входим в магазин.

Дина со своими подружками идут за нами следом. Я беру упаковку мармеладок, а пока расплачиваюсь, не свожу глаз с экрана за прилавком.

Обычно там крутят новости про войну, но на этот раз — что-то новенькое.

— ...к нашему северо-восточному корреспонденту, Джейми Бейтсу.

— Спасибо, Татьяна. Тихий прибрежный городок Уитли-Бэй в Тайнсайде вот уже несколько дней гудит от сообщений о встречах местных жителей с так называемой «Кобакой из Уитли».

Дина подкралась к Мэнни сзади и вопит:

— Ха! Это по твоей части, Мистика!

Он игнорирует её, внимание приковано к экрану.

— Описываемое как нечто среднее между огромной собакой и диким котом, это животное было замечено на пляже, а также на сельхозугодьях на севере, возле самого Блита. Я поговорил с местной жительницей, которая описывает недавний близкий контакт.

Я ахаю: на экране появляется старая Моды, нештатная мастерица на все руки из «Счастливой Страны» — она сидит на своей любимой скамейке на берегу, и у неё берут интервью.

— Смотри, Мэнни, это Моды!

— Были сумерки, а я просто сидела здесь, как обычно, и тут-то и увидела его, внизу, на пляже. Оно повернуло голову и посмотрело прямо на меня:

большущие жёлтые глаза, и, клянусь, здоровенная рыбина во рту. Уши огромные, заострённые. А потом — вжух — оно кинулось обратно в воду, да быстро так, вот и всё.

Теперь репортёр идёт по пляжу. На заднем плане я вижу потрепанный флаг «Счастливой Страны».

— Встречи с подобными крупными существами — не редкость для Британии, однако убедительные доказательства бывают представлены чрезвычайно редко...

— Это потому, что это всё выдумки, — фыркает Дина. — Только послушайте её, эту старую тупую корову! Эй, История, — это там не твой фигов трейлерный парк показывают?

Я стискиваю кулак, и упаковка мармеладок похрустывает. Внутри я так и киплю, но вслух не говорю ничего. Начать с того, что это парк отдыха, а не «трейлерный парк». И вообще-то — это Моди! Она мне очень нравится. Она помогает мне с домашкой, и угощает горячим шоколадом, и...

— Весна — это, конечно, начало туристического сезона в Уитли-Бэй. Время покажет, привлечёт ли таинственное существо толпы людей — или отпугнёт. С вами был Джейми Бейтс, Тайнсайд, для «Часа новостей».

— Спасибо, Джейми. А на сайте «Часа

новостей» вы можете увидеть фотографии, на которых якобы изображена Кобака из Уитли. Теперь вернёмся к продолжающейся ухудшаться международной ситуации: премьер-министр, миссис Боатенг, быстро отреагировала на заявления о том, что...

Позади меня слышится торопливое движение и звяканье магазинного колокольчика.

Когда я оборачиваюсь, Мэнни уже нет. Дина ухает, издевательски хохоча:

— Побежал его ловить!

Её подружки хихикают в ответ.

Я поспешно выбегаю из магазина следом за Мэнни, оставляя «Харибо» на прилавке. В ушах у меня звенит Динин глумливый смех.

— История и Мистика снова в деле, ха-ха! Эй, спасибо за мармеладки!

— Плюнь на неё, — говорит Мэнни, дожидавшийся меня чуть ниже по улице. Он не в силах сдержать восторженную дрожь в голосе. — Я хочу увидеть Кобаку из Уитли! Быстрее — посмотри в своём телефоне! Через мой в интернет не зайти.

Я захожу на сайт «Часа новостей». Фотка совсем плохая. Она сделана с огромного расстояния и увеличена в несколько раз, так что чёткость здорово хромает. Вроде как можно разглядеть большие заострённые уши и один сверкающий глаз, но тело в основном скрыто кустами.

— Понимаешь, о чём я? — говорю я. — Это не доказательство, это...

Я смотрю на Мэнни, ожидая, что он будет так же разочарован, как я, но вместо этого его лицо так и светится.

— Ты разве не говорила, что та пожилая леди — это Моды, ваша садовница?

— Ага — ну, она помогает понемногу и чинит всякое-разное, и...

— И что, она врунья?

— Нет! Конечно нет! Она... она Моды.

Он срывается с места, крича мне:

— Тогда едем! Чего ты ждёшь?

ГЛАВА 4

Мы едем напрямик в «Счастливую Страну» — она совсем рядом с нашим домом. По крайней мере, эта «Кобака из Уитли» — хороший повод заскочить к Моды, которая живёт в одном из домиков.

По дороге Мэнни прокалывает шину. Он катит велик за мной к мастерской тире хижинке Моды, где она — в любую погоду — сидит на древнем продавленном диванчике и слушает новости по радио, или гладит одну из своих кошек, или дремлет.

Мэнни не отставал от меня с той минуты, как мы ушли из магазина.

— Какая она? Что она видела?

— Просто сохраняй спокойствие, — говорю я ему. — Моды, она очень... добрая.

Когда мы заходим за аккуратно подстриженную живую изгородь, Моды сидит на своём обычном месте. Она поднимает голову и улыбается, отчего её очки сползают вниз по носу, а потом встаёт с дивана. Диван поскрипывает, прямо как она, и это

будит полосатого Платона, решившего в сотый раз за день вздремнуть.

Моди всегда радуется, когда её просят что-нибудь починить. При виде сломанного велосипеда она сияет, будто Мэнни преподнёс ей букет цветов, и потирает руки. Она слишком старенькая для разных тяжёлых работ в парке, но на верстаке у неё всегда лежат какие-нибудь разобранные шутовины.

— Шина проколосась, а, юноша? — говорит она, немедленно это замечая. Одним плавным движением она переворачивает велик Мэнни и принимается отсоединять колесо, а потом снимать шину. — Мне нравятся твои джинсы, — говорит она, взмахивая монтажной лопаткой. Джинсы у Мэнни красно-белые в клеточку (я не шучу). — У меня самой такие были когда-то, в своё время.

Моди очень старая, довольно низенькая и такая круглая, что покачивается, когда входит в свой сарай и выходит из него, прихватывая инструменты, ремонтные наборы и всякое такое. Я не знаю точно, сколько ей — мама думает, ей «хорошо за восемьдесят», но выглядит Моди гораздо моложе; лицо у неё сияющее, круглое, ровное и загорелое до светло-медного оттенка от слабого солнца и солёного воздуха. На длинных седых волосах, которые она часто заплетает в косы с бусинами, она носит старую тёмно-синюю беретку. Одета она всегда в один и тот же комбинезон, увешанный разноцветными значками и нашивками, с надписями вроде «**МИР** ☺», «**СИЛА ЦВЕТОВ**», и одним, который, как она

утверждает, стоит сотни фунтов, на котором написано «**КЕННЕДИ В ПРЕЗИДЕНТЫ '60**». Этот приколот у неё к груди — «рядом с сердцем», как она выражается.

Моди мне вроде дополнительной бабушки, пожалуй. Мамины родители, дедуля и бабуля, живут в Лидсе, поэтому я не очень часто с ними вижу. Папины родители развелись. Его мама живёт в Лондоне; у неё всё хорошо. А его папа умер во время большой пандемии, когда я была совсем маленькой, так что я плоховато его помню.

— Ты очень тихий, сынок, — говорит Моди Мэнни с улыбкой, демонстрируя щербатые зубы. — Ага, вот он. Шип, да здоровенный какой. Сейчас всё направим.

Тихий? Да бедный Мэнни сейчас лопнет.

Мы стоим и наблюдаем, как старые, узловатые пальцы Моди ловко делают отметку на камере, выдавливают клей и накладывают заплатку, и в конце концов Мэнни больше не может сдерживаться.

В его глазах словно зажигается свет, и Мэнни говорит:

— Что вам известно про то животное? Мы видели вас по телику! Что именно это было такое? Думаете, оно откуда-то сбежало? — Вопросы из него так и сыплются.

Моди медленно отводит взгляд от перевёрнутого велика и поправляет свою беретку.

— Ха-ха! Оно говорящее. Ну да, я точно его видела. Ох и здоровенное оно было. — Она

вытягивает руку, показывая размеры животного — чуть ли не по пояс ей.

— Когда это было? — спрашивает Мэнни, не скрывая нетерпения в голосе.

— Пару ночей назад. Я кой-чего попивала, сидела там, где за птицами-то смотрят, знаете?

Я киваю. Между парком отдыха и пляжем есть небольшой заповедник с искусственным озером. Там стоит старый сломанный трейлер для любителей понаблюдать за птицами, куда Моды иногда ходит посидеть с баночкой пива и поглядеть на птиц, пока небо над мелким озером темнеет. Как-то раз она сказала мне, что это «лучше, чем все эти телевизоры».

— Он вылез из воды. Уже темнело, и он пробежал по берегу озера и скрылся в тених, и я его из виду потеряла.

Мэнни мрачнеет.

— Не переживай, сынок, — говорит Моды. — Я всё выглядывала его и наконец увидела снова, там, пониже. — Она машет рукой в сторону моря. — Он бежал по пляжу к Калверкоту, держался в тени.

— погоди, Моды, — говорю я. — По телику ты сказала, что видела, как оно вылезает из моря.

Она подмигивает мне сквозь заляпанные очки.

— Ха! Ставишь под сомнение источники, э? Это был небольшой, ээ, *отвлекающий манёвр*, так-то! Мы же не хотим, чтобы сюда повалили все толпами и перепугали нам птиц, правда ведь? К нам как раз сорокопуд-жупан прилетел, а я их с 2026-го

не видала. Вот так вот, — говорит она, возвращая Мэнни снова поставленный на колёса велик. — Как новенький.

— Ты правда думаешь, что это какое-то существо, которое раньше никто не видел? — спрашиваю я.

Моди от души пожимает плечами, и вся верхняя часть её тела сотрясается.

— Представления не имею, дружок. Но если мы чего-то не знаем, совсем не факт, что этого не существует.

Эта фраза мне знакома: так сказал Мэнни, когда говорил, что его мама жива.

— Именно! — гаркает он, а потом хватается велик и вскакивает на него так быстро, что успевает проехать несколько метров, прежде чем притормозить и развернуться. — Спасибо, Моди. Спасибо огромное! — А потом снова уносится, ожидая, что я поеду следом.

Я так и делаю.

У Мэнни есть одна раздражающая особенность — которой я в то же время вроде как восхищаюсь, если честно, — он всюду заявляется с таким видом, будто ему там автоматически рады. Как в тот день, когда он только пришёл к нам в школу: он просто уселся на своё место, сразу же устроив всё по своему вкусу.

И теперь он опять так делает: пересекает «Счастливую Страну» на велике, полностью игнорируя знак,

запрещающий велосипеды. Я бы сказала ему слезть, потому что, ну... потому что таковы правила. Но туристический сезон ещё не наступил, и гостей не так много. (Честно говоря, даже во время сезона у нас довольно пусто — это ещё одна причина, по которой мама с папой вечно ссорятся.)

Вот это я и считаю «домом». Наш маленький домик располагается практически в самом парке, и мама с папой управляют бизнесом, принадлежавшим нашей семье много лет. На ресепшен висит фото прапрадедушки Роджера, который и начал всё это как трейлерный парк в тысяча девятьсот пятьдесят каком-то, а теперь здесь целых 120 домиков — и вовсе даже не трейлеров, во всяком случае не таких, какие тянут за машиной. Большинство из них мы называем «бунгало» — это по сути одноэтажные хижинки. Правда, теперь в них влажновато, и они обветшали — по крайней мере если верить последнему отзыву с одной звездой на сайте Счастливой-Поездки точка ком, что здорово расстраивает папу. (Он говорит, у нас не хватит денег их отремонтировать.)

Я качу мимо открытого бассейна. Его надо почистить, а местами — заменить плитку, но он не подогревается, так что в нём не купается никто, кроме совсем мелких детей в самые тёплые летние дни. Да и тогда они вылезают из воды розовые, как мармеладные свинюшки, и мамам приходится растирать их полотенцами, чтобы согреть.

Мэнни я догоняю возле полосы препятствий

«Дикие джунгли» — такой тематической игровой площадки с разными горками и всем прочим. Сейчас она огорожена канатом, потому что многим аттракционам не хватает деталей, а карусель сломана.

— Ого, Уилла! Жалко твою площадку!

— Она не моя, — говорю я, внезапно смущаясь потрёпанного состояния парка. Мэнни не слушает. Останавливается он только на противоположном конце парка, где стоит дряхлый трейлер, наполовину заваленный ветками, в нескольких метрах от природного резервуара — по сути очень большого пруда.

— Это место она имела в виду? — спрашивает Мэнни, и я киваю. — В таком случае, тут мы наши поиски и начнём. Во сколько темнеет?

— Примерно, эм... часов в восемь? — отвечаю я. Во взгляде Мэнни появляется что-то маниакальное, и я уже вижу, что ситуация может немного выйти из-под контроля.

Если бы я только знала, насколько.

— Ты точно в этом уверен? — уточняю я.

Он закатывает глаза.

— Уилла! Если он был когда-то замечен здесь, значит, есть большая вероятность, что мы заметим его здесь снова. Так? Если только Моды не врёт, конечно, — с хитрецей добавляет он. — Ой, ну ладно тебе — не смотри на меня так!

— Дело... в маме с папой, — говорю я. — Они не любят, когда я по темноте разгуливаю.

Мэнни смеётся, но, кажется, без издёвки. Он как будто просто не видит в этом проблемы.

— Ладно — во-первых, отсюда практически *видно* твой дом.

Не видно, но он не так далеко. Я понимаю, что Мэнни имеет в виду.

— Во-вторых, до тех пор, пока ты остаёшься по эту сторону изгороди, ты всё ещё находишься на территории парка, так? Ты всё ещё *дома*. В-третьих, темно не будет. Может, будет сумеречно, но «по темноте» тебе точно разгуливать не придётся. В-четвёртых, это исследование дикой природы для школьного проекта. Мы собираем доказательства.

Вот это точно неправда, но, не успеваю я ничего сказать, как он стаскивает рюкзак, достаёт очередную книгу про таинственных существ и машет мне ею.

— Это школьный проект, а ты — моя напарница! — Он не ждёт, пока я отвечу. — Увидимся сегодня в семь! Нет. Лучше завтра.

— Почему завтра?

Мэнни отворачивается с немного виноватым видом.

— Мне кое-что нужно сделать.

А потом просто уезжает — вихрь красок на велосипеде — будто его голова уже занята чем-то совершенно другим.

Через несколько метров он останавливается и оглядывается. Я осознаю, что выгляжу обеспокоенно, и натягиваю на лицо улыбку. Мэнни ухмыляется и отбрасывает с глаз чёлку.

— Расслабься, Уилла. Если следовать правилам, в историю не войдёшь!

ГЛАВА 5

Я всё ещё думаю о том, что Мэнни сказал насчёт правил, когда по дороге домой миную домик Моды. Он почти что незаметен на фоне остального парка, скрытый за живой изгородью. Половина участка занята всяким хламом, разложенным ровными рядами и местами прикрытым брезентом. Тут есть сломанные качели, два старых автомобильных двигателя, половина классического мотоцикла («Это «Нортон»», — с гордостью говорит Моды, будто я должна впечатлиться), газонокосилка, на которой нужно сидеть, газонокосилка, которую нужно толкать, разобранный пластмассовый домик для кукол. Ещё здесь стоит её сарай, передняя часть которого полностью открыта, демонстрируя верстак с бесчисленными инструментами, отполированными так, что кажутся новыми.

Продавленный диванчик Моды, плюс садовый стул, накрытый тряпьем и подушками, стоят возле буржуйки — всё это под крышей из гофрированного железа, с которой свисает табличка

с выцветшей надписью «НЕТ БОМБАМ». Моди называет это своей «сидельней», потому что тут она сидит.

Когда я появляюсь из-за изгороди, она поднимает взгляд, улыбаясь, и откладывает в сторонку большую деревянную букву «С», отвалившуюся от знака «Счастливая Страна» у входа, которую она чистила.

Моди была здесь с тех пор, когда папа ещё был маленьким, а «Счастливая Страна» — просто трейлерным парком. Она не платит за жильё, потому что работает тут.

Родных у неё немного. У неё есть сын по имени Каллум, он живёт в Канаде. Я его никогда не видела. Кто отец Каллума, я не знаю. Зато у Моды есть кошки: целых три, их зовут Аристотель, Платон и Берта.

«Бедная старая Моды, — как-то сказала нам с Алекс мама. — Вы ей всё равно что внучки».

Кажется, Алекс это слегка напугало. Она редко когда бывает у Моды — слишком занята видеоиграми, влюблённостями и обновлением соцсетей.

Зато я хожу к Моды почти каждый день, после школы. Мне нравится сидеть на старом деревянном ящике и гладить какую-нибудь из кошек, пока она варит на маленькой буржуйке горячий шоколад и рассказывает одни и те же старые истории — а я и не против. Тут гораздо спокойнее, чем дома.

У неё есть история о том, как в молодости она служила на флоте и плавала с китом; или как она

гостила у сына в Канаде и наткнулась на медвежонка гризли; или как в тысяча девятьсот шестьдесят каком-то встретилась с президентом Америки и посидела у него в машине...

— Какой хочешь сегодня, Уилла? — спрашивает Моды, указывая на гору шоколадных плиток в разных упаковках на полке позади неё. Я тычу в одну наугад.

Горячий шоколад она делает сложным способом: размешивает дольки тёмного шоколада в горячем молоке — но шоколадки у неё такие, каких в обычных магазинах не найдёшь. Кажется, ей их откуда-то привозят, и они всегда вкуснющие.

— А, хороший выбор, — говорит она, беря плитку в красной обёртке. — Мадагаскарский, ручной прессовки, сильной обжарки. Целых семьдесят процентов какао — мягкий, тёмный и богатый, в отличие от моего бывшего муженька. Ха!

Она немного помешана на шоколаде, наша Моды. Говорит, её прапрапрадед изобрёл шоколадные плитки, а она просто «сохраняет семейную историю».

Пока она разворачивает шоколадку и ломает её на дольки в потрёпанную кастрюльку, я говорю:

— Моды? Ты ведь не стала бы ничего придумывать, правда? Ну в смысле — насчёт того животного?

Как видите, я всё ещё слегка сомневаюсь.

Моды смотрит на меня с недоумением, и я медленно жалею, что вообще спросила.

— Зачем бы мне это? — отвечает она немного обиженным тоном.

— Ну просто... свидетельствам очевидцев не всегда можно доверять.

Она обдумывает это и говорит:

— Возможно. Но правда — она правда и есть, веришь ты в неё или нет. Почти вся история состоит из одних только свидетельств очевидцев. Из них и из того, что удалось заснять.

Моди кивает в сторону стены, и я замечаю, что над её верстаком приколата новая фотография.

У неё их несколько в рамках: два-три фото Каллума в детстве, ещё одна — во взрослом возрасте с каким-то мужчиной, оба они в костюмах и улыбаются в камеру на фоне канадского флага. А теперь появилась ещё распечатанная копия газетной статьи. Я встаю, чтобы разглядеть поближе.

— Кажется, я говорила тебе об этом, а? Старая подруга по флоту нашла эту статью и отправила мне.

Здесь фото молоденькой девушки в матросской форме, пожимающей руку красивому улыбающемуся мужчине в костюме.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ ЮНОЙ КАДЕТКИ

3 июля 1963

Президент США Джон Ф. Кеннеди пожимает руку юной морской кадетке во время

своего визита в Соединённое Королевство на этой неделе.

— Это ты? Как здорово, — говорю я. — Но что, больше ничего не было, даже твоего имени? Только фото?

Моди отвечает, помешивая дымящееся молоко:

— Агась. Только это напечатали. Я рассказала репортёрам, о чём мы с президентом говорили, но, кажется, им было не очень интересно. По правде говоря, я думаю, они мне и не поверили вовсе.

— А стоило бы, — говорю я, усаживаясь обратно на ящик с подушкой. — Это классная история! Встреча с таким человеком собственной персоной.

— О да, ты права. Очень жаль, что из этого вышел пшик. Вот я почти двадцать минут болтала с президентом Соединённых Штатов, а он внимательно слушал, понимаешь? Слушал, как маленькая семнадцатилетняя я трепалась о своём великом видении мира!

Я кучу раз слышала эту историю, но не против послушать ещё разок. Визит президента Кеннеди в Англию в 1963-м — всего за несколько месяцев до того, как его убили — даже вошёл в моё победившее в историческом конкурсе эссе. Как рассказывает Моди, президент посещал военно-морскую учебную базу и задержался из-за проблем с двигателем машины, а Моди насмешила его, сказав, что

если бы это был двигатель корабля, его починили бы в момент, и предложив подбросить президента на своём мотоцикле.

«Какая бойкая девица! — сказал президент Кеннеди кому-то из своих охранников. — Хочешь содовой, кадет?» И достал баночку колы из холодильного отсека своей машины.

Моди разливает горячий шоколад по щербатым кружкам.

— Холодильник в машине — только представь! И вот я уже сидела с президентом Кеннеди на заднем сиденье и рассказывала ему, как пошла на флот вместо того, чтобы продолжать учиться, и про свой сон о мире, где люди говорят друг с другом вместо того, чтобы драться. Вселенная Вне Войны! Юное сердце и оптимизм непременно убедят всех в мире перестать воевать! Хи-хи!

Она закатывает глаза и причмокивает.

— Если бы только, э, Уилла? Если бы только! Я могла бы изменить историю, сидя в той машине.

— По-моему, это чудесная мысль, Моди! — Я уже говорила ей об этом раньше, и она печально улыбается.

— Знаешь, мне кажется, президент Кеннеди тоже так думал. Когда он уезжал в своей починенной машине, я видела, как шевелился его рот — он разговаривал с секретарём. Я читала по губам. И он рассказывал ему про Вселенную Вне Войны. А потом постукал по его блокноту, будто говорил: «Запиши это».

Её пальцы нащупывают значок «**КЕННЕДИ В ПРЕЗИДЕНТЫ**» на комбинезоне.

— Конечно, все знают, что случилось с бедным старым президентом Джоном Ф. Кеннеди, не успел ещё тот год кончиться.

Я знаю. Ещё бы я не знала. Каждый год 22 ноября Моды поднимает на шест, на котором обычно развеивается баннер «Счастливой Страны», выцветший американский флаг. Это её дань памяти президенту, с которым она познакомилась и который был убит в этот день в 1963-м, когда ему было всего сорок шесть.

— Видишь ли, Уилла, всего за несколько месяцев до моей с ним встречи весь мир верил, что грядёт ядерная война. Америка, Россия — все поглядывали друг на друга, держа пальцы на кнопках, готовые запустить оружие, которое уничтожило бы весь мир. А всё из-за чего?

Это я знаю.

— Из-за маленького островка в Карибском море.

Моды дует на свой горячий шоколад и шумно прихлёбывает.

— В точку. «Кубинский ракетный кризис», как его сейчас называют. Ядерная война никогда ещё не казалась такой близкой. Весь мир был в ужасе, Уилла. — Она делает паузу, размышляя, развивать ли мысль. — Прямо как сейчас, э?

Потом повторяет, практически шёпотом:

— *Прямо как сейчас.*

Моди перебирает кончики своих длинных седых волос и глядит в пламя печки.

— Только подумать, э? Только подумать, что могло бы произойти, если бы весь мир *перестал* драться. Если бы все силы, и мозги, и деньги были бы направлены на решение *других* проблем. В каком мире мы бы теперь жили, э?

Она отчего-то начинает казаться старше — уголки рта опущены, в глазах поблёскивают слёзы. Долгое время я ничего не говорю, просто наблюдаю, как её веки постепенно опускаются.

— Спасибо за горячий шоколад, Моди, — шепчу я, но она уже где-то далеко, зачарованная огнём, кружка дымится с ней рядом, Платон и Берта дремлют у ног.

Через некоторое время Моди начинает посапывать, но я всё равно остаюсь: дома меня ждут лишь новые ссоры. Только допив шоколад, я наконец встаю и на цыпочках ухожу.

ГЛАВА 6

Следующий день — воскресенье, и на улице дождь. Я слышу, как он барабанит в моё окно, ещё до того, как встаю с кровати. Приложение с погодой утверждает, что лить будет весь день. Круто.

А приложение с новостями сообщает, что в стране, о которой я даже не слышала никогда, «группа мятежников» напала на «опорный пункт правительства». Новые убитые.

Я подумываю поспать ещё немного, но мама с папой уже опять препираются. Хлопает задняя дверь, а потом я слышу, как ругаются мама и Алекс. Сначала я пытаюсь прислушиваться, но потом решаю, что даже знать не хочу, в чём на этот раз дело.

Я закрываю глаза, и в мыслях возникает лицо Мэнни — с широкой улыбкой, слишком длинной чёлкой и зелёными глазами. На миг мне становится легче, и я встаю с кровати.

Остаток дня проходит словно в тумане за:

1. Домашкой по истории. («Представьте, что вы солдат в битве при Гастингсе. Опишите этот день».) Обычно я люблю делать домашку по истории, но сегодня мне удаётся исписать всего одну сторону листа, и то увеличив почерк — надеюсь, миссис Поттс ничего не заметит.
2. Домашними делами. Мы с Алекс должны прибраться в ванных и подмести дорожку. Алекс выбирает дорожку, но говорит, что подметёт попозже, потому что на улице дождь, и это означает, что она вообще не будет подметать. Когда я обращаю на это её внимание, она кричит на меня и топает к себе в комнату.
3. Просмотром телика на кухне. *«Премьер-министр выразила серьёзное беспокойство в связи с обострением международной ситуации...»*

— Ох, эта война всё хуже делается, дружок. Она приближается, — говорит мама.

Я убавляю громкость, а Алекс снова прибавляет.

— Если папа умрёт, я хочу знать, из-за чего, — рывкает она, и мама резко говорит:

— Алекс — хватит!

Но дело уже сделано. Я перевожу умоляющий взгляд с мамы на сестру, ожидая объяснения того, что Алекс только что сказала, но ни одна из них не встречается со мной взглядом.

В конце концов мама вздыхает и бормочет:

— Ты же знаешь, что папа раньше управлял самолётами в Королевских ВВС, Уилла.

Я киваю. Конечно, знаю, хоть он и ушёл из воздушных сил, когда я была маленькой. Мама продолжает, всё ещё не глядя на меня:

— Что ж, если эта война начнётся, есть вероятность — небольшая вероятность — что его снова могут призвать на службу. Не думаю, что он будет летать. Скорее всего, попадёт в наземный экипаж. Если это вообще произойдёт. — Потом она сердито смотрит на Алекс, словно говоря: «Теперь ты довольна?»

Я тихо закрываю дверь кухни и иду в свою комнату — не уверена, что они вообще заметили, что я ушла.

Весь день в воздухе между мамой и папой висит, как тяжёлые тучи в небе, невысказанная злость. Крыша одного из наших бунгало протекла, и гостей пришлось переселять. Это вызвало волну цоканья и фырканья от мамы, потому что папа говорил, что якобы всё починил.

Я пытаюсь подбодрить себя мыслью, что вечером, возможно, увижу странное существо. Это не очень-то помогает, потому что я всё ещё не верю, что в нём есть что-то особенно странное. Это же наверняка просто большая собака. Сосед моего кузена Зака в Консете когда-то держал леонбергера — он был крупнее шестилетней меня. Ладно, здоровенного длинного хвоста

у него не было, но, может, этот зверь какая-то полукровка?

В общем, с того момента, как я узнала, что папе, возможно, придётся отправиться на войну (какой бы маленькой ни была вероятность), весь мой энтузиазм иссяк до капли. Мне не хочется даже писать Мэнни сообщение.

Раньше по воскресеньям родители устраивали себе «романтический вечер». Они уже сто лет так не делали. Вместо этого мама пошла к своей подруге Эмме, а папа — в какой-то паб. Со мной «нянчится» Алекс. Замороженная пицца, которую оставила мама, у неё подгорела, так что я выела только серёдку и теперь слышу голос сестры через дверь дальше по коридору. (Она вечно вопит: «Божечки! Нет! ...да ладно! ...Божечки ...что он сказал? Божечки!»)

Я сижу у себя и пялюсь в потолок. Я устала, хоть почти ничего и не делала. Так что когда у меня в кармане вибрирует телефон, я взвизгиваю. Сообщение от Мэнни.

Видел его. Охота началась.

Идём сейчас.

Он *его* видел? Не успеваю я дочитать сообщение, как в окно стучат — к мокрому стеклу прижимается лицо Мэнни. Моё сердце вроде как чуточку подпрыгивает, но в хорошем смысле.

Когда я открываю переднюю дверь, глаза Мэнни

сияют даже ярче обычного. Меня это немножко пугает. Он едва сдерживает восторг и перепрыгивает с ноги на ногу. (На ногах у него фиолетовые конверсы, кстати. *Фиолетовые?*)

— Блин, я видел его, Уилла! Честное слово. Точно там, где Моды и сказала. Рядом с тем птичьим озером.

— Ты хочешь сказать, в Природном заповеднике имени Роджера Шафто, — говорю я, возможно, чересчур въедливо, но это ведь всё-таки мой прадед. Неважно — Мэнни всё равно не замечает. Он похлопывает по плотно набитой конусообразной сумке, свисающей на ремне с его шеи.

— Прихватил камеру! С большим телеобъективом. Как раз подойдёт.

— Где ты взял...

— Джейкоб мне одолжил, — отвечает он, как-то слишком быстро.

Джейкоб, его соцработник? Как-то подозрительно.

— Ты его попросил — и он вот так просто одолжил тебе камеру?

— Ну, я его сегодня не видел, но он точно именно так бы и сделал, если бы я попросил, наверное. Она просто лежала у него в комнате, не запёртая, ничего такого. Так что, знаешь... всё нормально.

Повисает неловкая пауза: до меня доходит, что Мэнни именно поэтому решил дождаться сегодняшнего вечера.

— Ну так ты идёшь, — говорит он не то чтобы вопросительным тоном.

Я прикладываю палец к губам. Я всё ещё раздумываю, стоит ли оно того, когда иду по коридору в комнату Алекс и стучусь в дверь. Она не услышит, как я улизну. Иногда мне кажется, её наушники приклеены к ушам суперклеем. Я захожу, говорю ей, что лягу пораньше, а она показывает мне сложенные буквой «М» большие и указательные пальцы: «Мне пофиг». Даже от ноута своего не оторвалась.

Думаю, это всё решает.

Вернувшись к себе, я беру телефон и кладу его на зарядную панель. Мама с папой заставили меня установить «Семейный трекер» — отслеживающее приложение, отключить которое я не могу, иначе им придёт уведомление, так что лучше оставить телефон здесь.

Прежде чем вернуться к Мэнни, я делаю глубокий вдох.

Это правда я? Убегаю из дома за спиной у Алекс, когда на улице уже темнеет? А эта камера у Мэнни: одалживать что-то без разрешения — это разве не воровство? Я не до конца уверена. Я никогда особо не нарушала правила. До этого момента.

ГЛАВА 7

Я кручу педали как бешеная, чтобы поспеть за Мэнни; на спине у меня болтается рюкзак, который он мне швырнул. На юге, справа от меня, восходит здоровенная полная Луна.

Мэнни что-то говорит мне по пути, но его слова то и дело уносит ветер:

— ...станем знамениты, блин, Уилла! ...из воды ...рыба в пасти ...прячется в птичьем заповеднике ...ест яйца ...вероятно, сбежал из частной коллекции экзотических животных...

В конце концов я не могу за ним утнаться, хоть ехать и недалеко. Ну зато дождь прекратился. Впереди — чистое сумеречное небо над морем, а значит, я не потеряю Мэнни из виду.

Там, где дорога делает поворот к маяку, мы останавливаемся. Мэнни хмыкает и говорит:

— Как я и ожидал.

Мы не единственные, кто надеется сфоткать Кобаку из Уитли. На обычно пустой парковке стоят шесть машин, повсюду люди с биноклями

и камерами на штативах — все направлены в сторону пляжа.

— Только подумай, Уилла. Мы не только знаем, куда смотреть, в отличие от них, но ещё у нас есть кое-какое преимущество, которого у этих лопухов нет. — На его лице возникает полуулыбка. — Оно у тебя.

— У меня? — Я лезу в рюкзак, который дал мне Мэнни.

Внутри лежит картонная коробка с тремя жестяными банками, размером и формой напоминающими очень большие жестянки с тунцом. Я достаю одну. Этикетка не на английском, и каждая банка слегка распухла сверху и снизу, будто внутри что-то вздулось.

— Эй, полегче. Вот эта уже готова взорваться, а ты точно *не* захочешь, чтобы это произошло.

Мэнни чересчур раскомандовался, так что я не могу удержаться и швыряю ему банку. Ну то есть, это же просто маленькая жестянка. Что плохого может случиться?

— *А-а-а*, нет!

Кидаю я паршиво, но не так паршиво, как Мэнни — ловит. Банка ударяет его о запястье, отскакивает от другой руки, которую он вытянул, пытается её схватить, а потом шмякается об руль. В конце концов она приземляется и лопается, мощно разбрызгивая повсюду жидкость: по тропе, по велику Мэнни и по его джинсам.

Две секунды спустя в нос нам обоим ударяет

запах — и под словом «запах» я имею в виду не аромат и не лёгкое дуновение, а такую невыносимую вонь, что на миг я столбенею. Этот удушающий рыбный смрад хуже всего, что мне когда-либо доводилось нюхать, включая тот раз, когда прошлым летом в «Счастливой Стране» засорилась канализация, и целый день возле ресепшен красовалась огромная, коричневая, вонючая лужица.

Торопясь оказаться как можно дальше от запаха, я поскальзываюсь на жиже из банки и утаскиваю за собой на землю Мэнни, и пока мы пытаемся встать, наша одежда пропитывается ею. Через несколько секунд банка перестаёт брызгать: теперь из неё на траву, словно из раны, сочится только чистая слизь.

Я пячусь прочь, пыхтя и пытаюсь дышать ртом.

Мэнни тем временем стонет:

— О нет, о нет, о нет... — и тоже встаёт. Он поворачивается ко мне: — Ты настоящая... — но не договаривает, видя, что меня едва не тошнит.

— Что... ради всего... — Я запинаюсь, чтобы снова откашляться. — Что это *такое?*

— Это, Уилла, называется *сюрстрёмминг*.

Я пытаюсь повторить.

— Сюр... стрёмный? И это?..

Я жду, что он скажет, что это какой-то промышленный очиститель или супермощный растворитель. А может, какое-то запрещённое химическое оружие, про которое рассказывали по новостям. Что угодно, но не то, что он говорит дальше.

— Это, эм... это такая шведская еда. Её Джейкоб ест. Он хранит её в сарае на заднем дворе.

Мне даже спрашивать не нужно. Джейкоб одолжил это Мэнни точно так же, как свою камеру.

— Он... он это *ест*? Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

— Знаю. Слегка попахивает, да?

— Слегка?.. Мэнни. Это самая вонючая вещь... которую я только... — Честно говоря, мне кажется, от вони у меня слегка помутилось в голове.

— Это селёдка, которая стухла, или ферментирована, или что-то такое. Её кладут в жестянки, которые могут раздуться из-за выделяемого газа. А потом, ну... знаешь, едят. Джейкоб говорит, со сметаной вкуснее всего.

Мгновение я свыкаюсь с этой мыслью.

— Ну, наверное, если собираешься есть стухшую рыбу, почему бы не добавить к ней скисшие сливки? Но... *почему*? — скулю я, искренне недоумевая. — Почему, как кто-то это ест?

Мэнни пожимает плечами.

— Джейкоб говорит то же самое про мармайт.

Я сдаюсь. Меня по-прежнему подташнивает. Но я уловила ход мыслей Мэнни.

— Это приманка?

Он кивает.

— Хитро, а? Зверюга не устоит.

Полчаса спустя мы как смогли почистились пучками мокрой травы и высохшей влажной

салфеткой, которую я нашла у себя в кармане, но запах по-прежнему висит у меня в ноздрях и липнет к джинсам. От открытой банки несёт уже не так ужасно. Воняет в основном жидкость, а не сама рыба, хотя при одной только мысли о том, чтобы её есть, меня снова мутит.

Мы оставили пляжную парковку криптоидоискателям-любителям, а сами пришли в убежище наблюдателей за птицами — старый побитый жизнью трейлер. Мэнни дал мне жвачку, чтобы перебить запах *сюрстрёмминга*.

— Это чистая вода, так? — говорит Мэнни. Мы смотрим на мелкое озеро, которое много лет назад вырыл для заповедника мой прадед. — Каждому зверю нужна чистая вода, верно? Так что эта тварь обязана прийти — рано или поздно. Я видел только уши и голову. Неудивительно, что Моды его заметила — они были огромные. Мы подманим его нашей пахучей наживкой!

Честное слово — Мэнни так уверен в себе, что я почти что начинаю во всё это верить. Мы вываливаем большую часть рыбы из лопнувшей банки у кромки воды, рядом с полупотопленной тележкой из супермаркета, а оставшуюся жидкость выливаем на дорожку, ведущую к трейлеру. В рюкзаке осталось ещё две банки — Мэнни несёт его особенно осторожно на тот случай, если и они взорвутся.

Стоит прохладный весенний вечер, и холод проникает в трейлер через проломанный пол. Перед нами, очень низко в небе, висит Луна — великолепная,

полная, с лёгким оранжевым оттенком и кажущаяся крупнее, чем обычно.

Не сводя глаз с Луны, Мэнни предлагает мне сэндвич из треугольной упаковки, но он с тунцом, и есть мне вообще не хочется, так что вместо этого я беру ещё пластинку жвачки. Мэнни уже некоторое время молчит. От этого мне становится не по себе.

— Почему она сегодня больше? — спрашиваю я, только чтобы нарушить тишину. — Ну то есть, Луна же не должна меняться в размерах?

— Она не больше, — бубнит Мэнни с набитым ртом. — Это только кажется. Сегодня суперлуние.

Он снова замолкает, так что мне приходится его подтолкнуть.

— И что это такое?

Ему как будто приходится приложить усилие, чтобы отвести взгляд. Он проглатывает кусок и говорит:

— Это самая громадная иллюзия в мире, так-то. Начать с того, что Луна находится в ближайшей точке к земной орбите. Это называется перигей. Когда полная Луна совпадает с перигеем, получается суперлуние, и она кажется на четырнадцать процентов больше.

Он говорит это без запинки, будто выучил. Меня терзают смутные сомнения.

— И откуда ты это знаешь? — интересуюсь я.

Мэнни вздыхает, будто прикидывая, стоит ли рассказывать.

— Я... я вроде как изучал этот вопрос. — Тон

у него практически смущённый, а я хочу, чтобы он рассказывал дальше, так что помалкиваю. В конце концов он говорит: — Я узнал, что моя ма пропала как раз в суперлуние. Поэтому мне и интересно.

Теперь я чувствую себя просто ужасно.

— Это очень грустно, Мэнни, — говорю я.

Он кивает и издаёт странный глотающий звук, а когда я смотрю на него — он уже отвернулся.

— Мэнни? Всё нормально?

Он делает глубокий вдох и снова поворачивается — челюсти у него крепко сжаты, как и в первый раз, когда он рассказывал про свою маму. Потом он кивает.

— Да. Порядок. Просто...

Я не тороплю. Мэнни меняет позу, чтобы лучше меня видеть, и глубоко вдыхает.

— Я расскажу тебе кое-что, если обещаешь не смеяться?

Я быстро киваю.

Он закрывает глаза и как будто заставляет себя говорить.

— Понимаешь, я её чувствую. Луну. Суперлуние. Иногда, по крайней мере.

Я таращусь на него, и он таращится на меня в ответ. Мне хочется сказать: «Не носи бред, Мэнни», но ему явно потребовалось немало смелости, чтобы в этом признаться.

Он медленно протягивает мне руку, и я чувствую, что обязана пожать её, хоть это и странно.

Я отчасти ожидаю ощутить удар статическим электричеством, как от ковра в музыкальном кабинете, но этого не происходит. Разве что... может, слабое, почти неразличимое покаяние, которое легко может оказаться плодом моего воображения, потому что взгляд у Мэнни довольно пристальный.

Понизив голос и так приблизив ко мне лицо, что наше дыхание смешивается, он говорит:

— Ты тоже это чувствуешь? — и я слегка киваю, хоть я в этом и не уверена.

— Что это? — спрашиваю я пересохшими губами.

Мэнни убирает руку, и я осознаю, что моя ладонь мокрая от пота (я думаю, моего собственного), а сердце бешено колотится.

— Не знаю, — говорит он, снова глядя на воду. — Но иногда у меня такое бывает. Правда, сегодня оно особенно сильное, потому что перигей экстремальный — так близко к Земле Луна оказывается только раз в несколько десятилетий. Суть в том, что, если верить экспертам, во время суперлуния повышаются шансы увидеть криптида. Это как-то связано с повышенным свечением и гравитационным притяжением Луны, отчего усиливаются приливы, и это влияет... тс-с.

— На что влияет?

Мэнни смотрит прямо вперёд, вытаращив глаза.

— *Тс-с.*